

—Коротаев!
—Я!

В.Сорокин. Очередь.

Как-то раз, рассеянно перебирая книги в библиотеке моего друга, я наткнулся на два небольших сборника стихов доселе совершенно мне неизвестного поэта, изданных лет пятнадцать назад небольшими тиражами на русском языке (причем одна из них — где-то в медвежьем углу этой необъятной страны) и с тех пор, видимо, не переиздававшихся. За исключением скудных и безличных фраз в аннотации, никаких сведений об авторе в них не было. И впоследствии, когда я уже решил писать о нем, ничего нового разыскать все равно не удалось. Я спрашивал знакомых букинистов, библиофилов и библиотекарей в Париже, Нью-

Басыр Зайцев

Мало жизни осталось,
В трех шагах —
Пустота.

В «Перекатах» этот момент звучит еще отчетливее:

Я не заживу на этом свете,
Я знаю: скоро грянет час.

Причина тому — безоглядное самосожжение поэта в процессе порождения стихов, которые уносят в себе частицы его души, и она истончается, чтобы вскоре исчезнуть совсем. Такое беспощадно-трезвое осознание по отношению к смерти сродни стоическому мироощущению: «Об уходящем не тужу». Неизбежность небытия для Коротаева — парадоксальный способ жизнеутверждения:

О смерти нашей
Стоит думать,
Чтобы еще острее
Жить.

«ПОЭТ-ЧАША»

Йорке и Лондоне — безрезультатно. Даже в Библиотеке Конгресса нет его книг...

Откуда они попали к моему другу — он уже не помнит.

Ну что ж, может, это и хорошо, ибо нет искуса привлечь земную биографию поэта в качестве аргумента в рассуждении о его стихах. Впрочем, и без этого мои заметки никоим образом не претендуют на строгую академичность: они возникли из прочтения всего-навсего двух маленьких книжечек формата 1/32, а их у поэта как минимум двенадцать, о чем сообщает издатель одной из них. А поэтому — да не будет строг к моим фантазиям искушенный читатель!

...Это всего лишь первый шаг к познанию творчества поэта двадцатого века. Подчеркиваю, что эти заметки носят фрагментарный характер. Я не ставил себе целью реконструировать поэтическую систему Коротаева. Лишь пытаюсь привлечь внимание к незаслуженно забытому поэту, показать, как много интересного может скрываться в этих пропахших пылью неразрезанных томиках.

Вот они: Виктор Коротаев. «Чаша», «Перекаты». Книга новых стихотворений. Архангельск, 1980. Далее в тексте ссылки на них даются с указанием номера страницы: соответственно. О более поздних публикациях, равно как и о предыдущих десяти сборниках, мне ничего неизвестно. Может, эти книги были последними для Коротаева: он часто упоминает о предчувствии близкого конца:

Смерть неизбежна, и потому нет причин цепляться за сомнительные жизненные блага, отказываясь от подвижнического труда «ворочать в сердце слово, словно глыбу», от которого это самое сердце «в ключья все давно». Так, видно, и не успел Виктор Коротаев сказать своего главного — предчувствие его не обмануло. Но и того, что есть, достаточно, чтобы говорить и говорить без конца. Мне же хотелось обратить внимание лишь на некоторые моменты его творчества, которые не столь проявлены, не столь отчетливы, но от этого еще более интересны. Они имеют отношение к структуре того «я», от лица которого написано большинство текстов Коротаева, точнее, к той его части, которая ответственна за процесс стихосложения.

Что это за «чаша», давшая название первому из имеющихся в нашем распоряжении сборников? В одноименном стихотворении она оказывается гораздо более глубокой, чем кажется на первый взгляд. Рискну предположить, что «чаша» эта — душа поэта.

Рассмотрим ее подробнее. Неоднократно душа рядопологается некой емкости:

В душе, как в высосанной фляге,
Нет ни желаний и ни сил.

Душа от жажды высохла до дна...
Хотя б один глоток вина.

И потому в душе скопились
Добро и радость,
А не злость.

Вылив душу в добрые деянья...

У Коротаяева есть и другие образы для души: тут и душа, наматываемая на кулак, и роща. Но мотив сосуда, наполненности-опустошенности все же доминирует, причем иногда гиперболизируется до «зияющей бездны». В этом отношении Коротаяева можно сравнить с Блоком, который, правда, лишь «довольствовался» ролью «пассивного вместилища получаемого свыше подарка» (по словам Э. Райса).

...Что же преимущественно помещается в душе-чаше?

Помимо обычных для поэзии боли и радости, там есть, например, глина, которую поэт просит вынуть оттуда, как нечто чужеродное, ибо основное содержание все-таки должно быть жидким – радость туда «наливается», «там бродят думы вековые, как камни по морскому дну», и даже зло, которого в душе поэта нет, и то измеряется «каплями».

Коротаяев оперирует прямо-таки натурфилософскими категориями, причем влага для него имеет положительный смысл, а сухость и пустота воспринимаются как негативные: упомянутое сравнение души с рощей неспроста снабжено определением «выжженная».

Помимо души, Коротаяев описывает и... сердце. Являя полную противоположность душе, оно «в железе, огне и крови», «горящее», но «не сгоревшее дотла»; в отличие от чаши-души, имеющей тенденцию стать бездонной, сердце, наоборот, иногда сжимается, и если что и может войти в него – так только насильственно, как нож:

Лишь слова обидные
Вошли
В сердце самое
По рукоятку.

Наполненность сердца – совсем иного рода:

Заполнить погреба сердец,
До нетерпенья накалиться.

Итак, вырисовывается следующая картина: сосуд души над костром сердца, и в сосуде том... рождается поэзия.

Такая наполненность чревата взрывом, извержением...

Топливом для костра служит, как это ни трагично, само поэтово тело:

Мы с рождения уже
Самосожженцы.

Я легче плоть свою сожгу,
Чем схороню для песен душу.

Жаль, что у высокой критики пока не нашлось времени для глубокого прочтения стихов Виктора Коротаяева. Не так-то он прост, не очень-то он вписывается в почвенничество. И смею утверждать, что, как и любому большому таланту, ему будет тесно в любых наперед заданных рамках...

ОТ РЕДАКЦИИ:

Эти маленькие рецензии написаны известным русским поэтом Виктором Коротаяевым на рукописи, представленные авторами на областной литературный семинар в 1996 году. С тех пор прошло немало лет. По-разному сложились за эти годы и судьбы молодых литераторов.

Знакомясь с записями поэта, мы подумали, что они и сегодня могут быть интересны и полезны тем, кто пробует свое перо уже в новом столетии.

Слово мастера – критическое и, как правило, доброжелательное – может и сегодня кому-то помочь в работе над стихами, если, конечно, автор готов к этому слову прислушаться, а мудрым и добрым советом творчески воспользоваться.

Тут есть о чем поразмышлять и есть чему поучиться...

Виктор Коротаяев

О СТИХАХ СЕРГЕЯ ЛАДУХИНА

Думаю, что этот автор явно тянет на отдельную собственную книгу. А уж на подборку, добротную и большую, в журнале «Север» – безусловно.

Сергей Ладухин – один из немногих, в ком ярко выражен национальный характер. Именно русский. С его заносами и слезами, удалью и печалью, гневом и смирением, радостью и бедой.

...Своих врагов я с миром отпускаю.
Я их простил. Но как простить сумею
Тех, кто принес любимейшему краю
Мучительную, медленную смерть?
Увы, я слаб. Мой голос тише вдоха.
Но вера православная сильна.
И верую – она дойдет до Бога,
Молитва о тебе, моя страна.

Мне впервые очень приятно так обильно цитировать молодого автора, потому что могу подписаться под его строками безоговорочно. Например, под такими:

Если водку пить – до упаду!
В бане париться – так до жил.
А любить – так до смерти надо,
До сколько б ты лет ни дожил.

Если трудная ждет дорога –
До конца пройди, а не трусь!
Только помни на ней про Бога,
Про любовь да святую Русь...
Весь характер на виду!

Можно, конечно, придаться к какой-то строчке, например: «В бане париться – так до жил», – но не хочется. Очень уж это все по-русски – крупно, масштабно, совестливо.

Думаю, Сергей Ладухин будет открытием нашего семинара, и готов подготовить его сборник к изданию и в этом деле всячески ему содействовать.